

Костромской протопопъ Даниилъ.

Очеркъ изъ исторіи раскола въ первое время его существованія

(Резерватъ, прочитанъ на IV Областномъ Археологич. Съездѣ въ Костромѣ.)

Въ послѣдніе годы патріаршества Іосифа (1642—1652 г.г.) подь руководствомъ царскаго духовника Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, въ Москвѣ образовался кружокъ ревнителей благочестія ¹⁾. Пользуясь своимъ личнымъ вліяніемъ на царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевъ внушилъ правительству мысль принять рядъ мѣръ къ упорядоченію богослуженія, къ сокращенію пьянства, уличныхъ игрищъ со скоморохами, цѣснями и т. п. Духовнымъ и свѣтскимъ властямъ различныхъ городовъ былъ данъ изъ Москвы относительно этого рядъ грамотъ со строгимъ наказомъ и съ разрѣшеніемъ употреблять противъ ослушниковъ суровыя мѣры ²⁾. Разумѣется, во многихъ мѣстахъ эти предписанія никакого дѣйствія на жизнь не оказали. Но кое-гдѣ, всетаки, они напши себѣ отголосокъ среди

¹⁾ О составѣ и стремленіяхъ этого кружка см. подробности въ трудахъ проф. *Н. Ѡ. Кантерева*: *Патріархъ Никоиъ и царь Алексѣй Михайловичъ*. Т. 1. Сергіевъ Посадъ. 1909. Гл. I (Церковно реформационное движеніе во время патріаршества Іосифа и его представители).—*Патріархъ Никоиъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ*. Изд. 2. Сергіевъ посадъ 1913. г. Гл. V (Кружокъ ревнителей благочестія, образовавшійся въ Москвѣ во 2-ю половину патріаршества Іосифа).

²⁾ *Н. Харузинъ*. Къ вопросу о борьбѣ Московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в. (Этнографич. Обзорніе, 1897 г., № 1, стр. 143—151).—*Н. В. Рождественскій*. Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII в. Москва, 1902. Стр. 5 и слѣд.—*Н. Кантеревъ*, цитов. сочин.

тѣхъ представителей духовенства, которые и сами „стояли за благочестіе“, т. е. старались бороться съ нестроениями религіозно-нравственной жизни своей паствы. Такъ было, между прочимъ, и въ Костромѣ ¹⁾, гдѣ надзоръ за церковной жизнью былъ порученъ игумену Богоявленскаго монастыря Герасиму и соборному протопопу Даниилу. Относительно перваго изъ этихъ лицъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, которыя характеризовали бы его со стороны православно-исправительныхъ стремленій. По документамъ видно только, что игумень Герасимъ былъ человѣкъ довольно книжный и заботившійся объ устроении своего монастыря ²⁾. Но соборный протопопъ Данииль заявилъ о себѣ болѣе опредѣленно, а въ послѣдующее время получилъ довольно широкую извѣстность и за предѣлами Костромскаго края.

Въ полдень 28 мая 1652 г. на улицахъ Костромы появилась толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ с. Селищъ, Минскаго и окрестныхъ деревень, которыя въ то время принадлежали боярину Глѣбу Ивановичу Морозову. Крестьяне шли съ пѣснями, съ шумомъ, но они двигались не безцѣльно: во главѣ ихъ былъ попъ села Селищъ Иванъ и велъ всѣхъ за собою освобождать тѣхъ узниковъ, которые были посажены за разныя безчинства въ палату подъ соборною церковью. Расходившіеся буяны сбили замокъ и выпустили изъ заключенія троихъ изъ своихъ собратьевъ. Страсти разыгрались далѣе. Послышались угрозы по адресу игумена Герасима и соборнаго протопопа Даниила. Послѣдній, опасаясь за свою жизнь, сперва ушелъ въ соборъ, оттуда, послѣ заутрени скрылся на двое сутокъ въ Воздвиженскомъ мона-

¹⁾ Грамота Костромскому воеводѣ была послана въ 1649 году, причемъ приказано было отписать, что скажутъ, по выслушаніи ея, разныхъ чиновъ люди. 20 апрѣля воевода отвѣчалъ, что „игумены и попы черные и мірскіе всякихъ чиновъ люди“ сказали, что они „по правилу святыхъ отецъ и государеву указу творить, и какъ въ... указѣ написано учнутъ, и за такими богомерзкими дьявольскими всякими дѣйствами ходить не учнутъ, а учнутъ творить противъ правила святыхъ отецъ и государева указу“, *Н. Харузинъ*, цитов. стат., стр. 149—150).

²⁾ *И. Баженовъ*. Костромскій Богоявленско-Анастасійскій монастырь. Кострома. 1895. Стр. 18—19, 42, и прилож. стр. VII—XI, XVII и друг.—*Его же*. Описаніе старинныхъ сборниковъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря. Костромская Старина. Вып. IV. 1897. Приложенія, стр. 71; 91.

стырѣ. Толпа искала его въ городѣ и около собора, причѣмъ пришлось пострадать нѣсколько тѣмъ лицамъ, которые часто показывались вмѣстѣ съ протопопомъ и раздѣляли его строге взгляды на пьянство, игры и пѣсни. Достигнувъ своей цѣли, крестьяне еще нѣкоторое время оставались около церкви и вели себя столь же несдержанно.

Когда все успокоилось, протопопы Даніиль написаль въ Москву жалобу, гдѣ подробно передалъ о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ и нарисоваль очень мрачную картину тогдашней религіозной жизни въ Костромѣ. „Духовные отцы извѣщали намъ,—говорить Даніиль,—что дѣти ихъ духовные къ церквамъ въ пѣніе (въ службу) съ ножами приходятъ и у церковныхъ дверей стоятъ и стоя на церковныхъ порогахъ кричатъ въ церковь отцамъ духовнымъ и хотятъ отцовъ своихъ духовныхъ ножами рѣзать, а иные, увидя меня, протопопа, и иныхъ добрыхъ людей, поднимаютъ ихъ на задоръ и всякое скаредное дѣло въ городѣ и въ уѣздахъ дѣлаютъ, заводятъ мятежъ и безчинство. И въ тотъ мятежъ,—разумѣется происшествіе 28 мая,—нѣкоторые люди побиты до смерти, а которые биты на смерть; у соборной церкви *скоморочи пѣсни пѣли...* Костромской воевода Юрій Оксаковъ и приказные люди мятежниковъ не унимали и сами всякое безчинство дѣлали, а намъ, игумену Герасиму и протопопу, всякому добру не помогали и по государевымъ указнымъ грамотамъ на безчинниковъ и ослушниковъ людей не давали, а кого мы въ безчинствѣ своею мочью возьмемъ къ воеводѣ, приказные тѣхъ людей у насъ въ смиренье не принимали и съ тѣхъ людей посулы брали и ихъ отпускали“... Чтобы усилить вину своихъ обидчиковъ, Даніиль заодно передаетъ еще случай расправы съ нимъ одного крестьянина, изъ вотчины Бориса Иванова Морозова. „25 мая крестьянинъ Лысковецъ Куземка Васильевъ съ товарищами ночью стали пѣсни пѣть на берегу Волги. И я вышелъ ихъ унимать, а они меня на смерть били и скуфью сбили, и отъ этого удара я упалъ безъ вѣдома (безъ чувствъ). Потомъ съ тѣми же людьми Васильевъ прошелъ къ соборной церкви, и у воеводскаго двора били меня ослопомъ. И я въ полчаса ночи велѣлъ сторожу ударить въ колоколь. Воевода вышелъ, но обороны мнѣ не учинилъ, а крестьяне затѣмъ разбѣжались“...

Когда была получена въ Москвѣ эта жалоба, стольнику

Еропкину поручили произвести подробный сыскъ въ Костромѣ и въ уѣздѣ о всѣхъ описанныхъ Данииломъ безчинствахъ. Допрошена была масса лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, и ихъ показанія составили обширное дѣло въ 270 листовъ, хранящееся теперь среди документовъ Московскаго Архива Минист. Юстиціи, только, къ сожалѣнію, съ утраченными листами въ началѣ и въ концѣ. Болѣе важныя свидѣтели допрашивались отдѣльно, а посадскіе люди давали показанія цѣлыми группами, сотнями или улицами. Какъ и слѣдовало ожидать, все низшее населеніе—горожане, посадскіе жители и крестьяне безраздѣльно стали на защиту своихъ собратій, страдавшихъ отъ строгости протопопа и игумена и отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о происшедшихъ безчинствахъ: *ничего не видѣли и не слышали* ¹⁾... Нѣкоторые изъ крестьянъ только добавили, что у протопопа съ крестьяниномъ Васильевымъ была ссора, причемъ послѣдній подалъ объ этомъ явку, а въ чемъ именно дѣло,—имъ не вѣдомо. „На Костромѣ скомороховъ нѣтъ, а которые напередъ сего были, и нынѣ они на Костромѣ жь кормятся Христовымъ именемъ“...

Болѣе содержательны показанія духовныхъ лицъ. Они интересны именно не столько для выясненія всѣхъ подробностей событія, сколько для характеристики отношеній остальнаго духовенства къ протопопу Даниилу и его нраво-исправительнымъ стремленіямъ. Съ этой стороны любопытно ознакомиться съ нѣкоторыми показаніями подробнѣе.

Настоятели Костромскихъ монастырей: Запрудскаго, Подвязнаго, Воздвиженскаго и Ипатьевскаго тоже отозвались невѣдѣніемъ, ссылались на то, что они „люди келлейные“, „отъ города удалѣли“, а Ипатьевскій строитель добавилъ даже, что онъ и въ городѣ на посадѣ года съ 2 не бывалъ; нѣкоторые были въ отъѣздѣ. Какъ они слышали отъ самого протопопа, послѣдній пострадалъ за то, что унималъ крестьянъ...

¹⁾ Когда воеводу просили взять тѣхъ людей, которые били единомышленниковъ прот. Даниила, то воевода, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, сказалъ: „много де воеводе, а большаго толга имъ не сказалъ“... Вѣроятно, этой фразой представитель свѣтской власти хотѣлъ указать на—то,—что прот. Данииль присвоилъ себѣ воеводскія права, самостоятельно распоряжаясь „емиреніемъ безчинниковъ“.

янь отъ пьянства, а вмѣстѣ съ нимъ были побиты и тѣ люди, которые ходили съ нимъ „для поученія на добрыя дѣла“.

Изъ духовенства Костромскаго собора и приходскихъ церквей большая часть уклонилась отъ сообщенія подробностей по дѣлу, но въ то же время и въ своихъ интересахъ, и въ интересахъ прихожанъ сдѣлала возраженія на нѣкоторые пункты челобитной Даниила. „А на Костромѣ,—говорятъ священники,—скомороховъ нѣту и у собора пѣсней не пѣвали; ходили по городу пьяныхъ 5—6 человекъ и пѣли пѣсни бѣсовскія, а большого скопу не видали... И игумену Герасиму и протопопу Даниилу на дѣтей своихъ духовныхъ мы не извѣщали, потому что онъ тѣхъ дѣтей духовныхъ такъва дурна и безчинства (какъ приходъ къ церкви съ ножами и проч.) къ намъ не бывало“... Показанія духовенства относительно воеводы нѣсколько смѣлы: воевода, дѣйствительно, по ихъ словамъ, безъ протопопова вѣдома выпускалъ посаженныхъ въ смиренье; но бралъ ли онъ при этомъ взятки,—не извѣстно.

Эти сдержанные отвѣты ясно показываютъ, что въ своемъ стремленіи поучать прихожанъ на добрыя дѣла Даниилъ не встрѣчалъ поддержки во всей массѣ Костромскаго духовенства и въ ближайшихъ къ нему людяхъ—соборянахъ. Нашлась только небольшая группа лицъ изъ 4 священниковъ и 1 дьякона, которые имѣли мужество заявить: „Богоявленскаго монастыря отъ игумена Герасима мы слышали, что боярина Глѣба Ивановича Морозова крестьяне слугу монастырскаго Тимофея Федорова били и его игумена бить хвалились, и онъ того убоялся, на патріарховъ дворъ для духовныхъ дѣлъ дни съ три ходить не смѣлъ, и въ недѣлю седьмую по Пасцѣ на соборъ не ѣздилъ... Крестьянинъ Куземка Васильевъ съ ярыжными у воеводскаго двора при воеводѣ Юрьѣ Аксаковѣ протопопа Даниила ослошьемъ подъ бока сулями, и воевода и посадскіе, кои на тотъ шумъ сбѣжались, его, протопопа, Куземкѣ подали и за него не стали... А то намъ вѣдомо, что въ городѣ и на посадѣ государеву указу пьяницы чинятца противны, въ день и по почамъ ходятъ, пѣсни поютъ и сквернословятъ и всячески скверно бранятца и безчинствуютъ, а кто они именно, того мы не вѣдаемъ“... Интересно отмѣтить, что подписи этой группы духовенства,

сравнительно съ другими священниками, подвергавшимися допросу, отмѣчаются большей свободою и бойкостью: видно, что это были люди болѣе книжные, возвышавшіеся надъ рядовою грамотностью.

Отдѣльно должно быть упомянуто показаніе Костромскаго соборнаго попа Павла. Отъ него какъ отъ ближайшаго соудника протопопа Даниила, можно было ожидать наиболѣе обстоятельныхъ свѣдѣній по дѣлу. Но лишнихъ подробностей относительно нападенія на Даниила попъ Павелъ не сообщилъ. Зато онъ нарисовалъ любопытную картинку уличныхъ нравовъ тогдашней Костромы. „На Фоминой недѣлѣ во вторникъ,—показалъ попъ Павелъ,—шелъ я послѣ вечерни къ себѣ во дворикъ. И какъ буду у Никольскаго мосту, что отъ Волги, и отъ нижняго кабака идетъ пьяница безъ портокъ въ кафтанишкѣ, а передъ нимъ несутъ плешку вина. И онъ, пьяница, взопедь на Никольской мостъ и близъ меня пришедъ, подоль свой поднялъ и ерамной.. наружу выставилъ: А для ли меня на задоръ онъ такое скаредное дѣло сдѣлалъ илипо своему пьянственному нраву, того не вѣдаю, и кто именно не вѣдаю“... Вотъ съ какимъ безшабашнымъ пьянствомъ приходилось вести борьбу протопопу Даниилу!..

Таковы данныя сыска. Такъ какъ конца дѣла не сохранилось, то мы не находимъ въ немъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ же закончилось это слѣдствіе ¹⁾. Равнымъ образомъ молчатъ о

¹⁾ Московск. Архивъ Мин. Юстиціи. Документы Разряднаго Приказа. Стобъ. Прикази. стола № 181, 7160. (1652) г. Сыскное дѣло (безъ начала и конца) о безпорядкахъ, произведенныхъ въ Костромѣ и уѣздѣ боярина Глѣба Ив. Морозова с. Селищъ попомъ Иваномъ и крестьянами того же села и с. Минскаго съ деревнями. 270 лл. (лл. 269 и 270 въ отрывкахъ).—Въ архивѣ бывшей посадской избы с. Большихъ Солей сохранились документы, относящіеся къ изложенному нами дѣлу, именно—обыскивая рѣчи Большесольскихъ обывателей на запросъ воеводы Еропкина, что имъ извѣстно о безпорядкахъ въ Костромѣ. Въ первый разъ эти документы использованы были священникомъ Евгеніемъ Лаговскимъ въ „Описаніи посады Вольшихъ Солей“. Трудъ этотъ долгое время оставался въ рукописномъ видѣ и въ 1847 году былъ на разсмотрѣніи у извѣстнаго изслѣдователя Костромской Старины прот. М. Я. Діева. „Описаніе“ Е. Лаговскаго было напечатано только въ 1-61 г. (Кострома. Стр. 76*II*XXXVII), а рецензія на него прот. Діева—въ Костромской Старинѣ, вып. V (1901 г.), стр. 167—193. На стр. 178—179 о. Діевъ приводитъ буквально рассказъ Лаговскаго, по большесольскимъ документамъ, о безчинствахъ въ Костромѣ; но при

протоп. Данилъ и мѣстные Костромскіе документы. Но его дальнѣйшая судьба становится болѣе интересной, и мы ви-

этомъ событіе неправильно отнесено къ 1660 году (вѣроятно, вследствие невѣрно прочитаннаго въ бумагахъ 7160 (1652) года) Впоследствии Большесольскій архивъ поступилъ въ распоряженіе Костромской Архивной Комиссіи (см. *Н. Н. Салифонтова*. Описи документамъ архива бывшихъ Большесольскихъ посадской избы и ратуши XVI—XVIII ст. С.-Петербургъ. 1902). При начавшемся разборѣ документовъ, г. Л. Грандилевскимъ вновь найдены были „обыскныя рѣчи“, извѣстныя еще Лаговскому, и на основаніи ихъ напечатана статья: „Противоцерковное раскольниковское движеніе въ Костромѣ въ 1652 году“ (Костромскія Епарх. Вѣдомости, 1904 г., № 16, стр. 404—408). Располагая только частью матеріала о Костромскихъ безпорядкахъ, въ дѣлѣ А. М. Юстицін сказки жителей Большой Соли занимаютъ л.л. 115—120), г. Грандилевскій задается вопросомъ: какъ понимать это движеніе: была ли это выходка пьяной толпы, или нѣчто болѣе серьезное—преднамеренная демонстрація противъ духовенства. Авторъ склоняется къ послѣднему рѣшенію: „не простое буйство пьяной толпы, а организованное движеніе противъ духовенства г. Костромы на почвѣ недовольства имъ, какъ выразителемъ церковнаго благочестія“ (цитов. ст., стр. 407). Отыскивая источники и корни этого недовольства, авторъ видитъ ихъ въ лжеученіи инока Капитона, который началъ свою проповѣдь о презрѣннн къ духовнымъ лицамъ въ Костромскомъ краѣ еще въ царствованіе Михаила Феодоровича (ссылки на Ист. рус. раскола еписк. *Макарія* СПб., 1858, стр. 266 и Посланія митроп. Игнатія Тобольскаго, 1857 г., стр. 96—99). Въ заключительномъ выводѣ г. Грандилевскій признаетъ безпорядки въ Костромѣ „противоцерковнымъ движеніемъ съ характеромъ начинающагося раскола; Селищенскій попъ Иванъ былъ, повидному, вожакомъ движенія“... (стр. 408). Но этотъ взглядъ не находитъ себѣ поддержки въ тѣхъ подробностяхъ событія, какія вскрылись при слѣдствіи. Безпорядки были чужды какихъ либо общихъ мотивовъ противоцерковнаго характера; они исходили изъ бытовыхъ условій приволжскаго города, который во время судоходства жилъ шумной, разгульной жизнью, наполнялся торговымъ и рабочимъ людемъ. А село Лысково, одинъ изъ жителей котораго особенно неуважительно отнесся къ прот. Данилу, въ XVII в. отличилось обиліемъ кабаковъ и харчевенъ по берегу Волги, и какъ ни разоряло ихъ правительство, они постоянно появлялись вновь; а у кабака „скоморохи съ медвѣди пляски и всякія бѣсовскія игры чинили“... (*А. А. Титовъ*. Троицкій Желтоводскій монастырь у Старога Макарья. Москва 1887. Стр. 38—39). Привыкнувъ къ такому разгуду и веселью, этотъ береговой и пригородный Костромской людъ естественно съ крайнею враждебностью встречалъ всякаго, кто поучалъ „на добрыя дѣла“ не только словомъ, но и мѣрами наказанія. Селищенскій попъ Иванъ не былъ какнмъ-либо идейнымъ вождемъ всего движенія, а просто шелъ во главѣ своихъ прихожанъ, двинувшихся выручать изъ заключенія товарищей. И, ко-

димъ его далѣе уже въ Москвѣ, въ томъ самомъ кружкѣ ревнителей благочестія, о которомъ мы упоминали выше. Протопопъ Аввакумъ въ своей автобіографіи рассказываетъ о себѣ, что послѣ столкновенія съ воеводой и жителями г. Юрьевца, онъ долженъ былъ удалиться изъ прихода и двинулся въ Москву. „На Кострому прибѣжалъ,—говорилъ Аввакумъ,—апо и тутъ протопопа же Даниила изгнали“¹⁾. Нельзя не отмѣтить поразительнаго совпаденія въ приемахъ дѣятельности членовъ кружка Стефана Вонифатьева: всѣ они вели упорную борьбу съ народными увеселеніями и скоморохами. Аввакумъ передаетъ о себѣ, что онъ особенно ратовалъ противъ скомороховъ, а другой его сподвижникъ, Иванъ Нероновъ ходилъ даже въ полночь сражаться съ ними²⁾. Такое строгое отношеніе къ невиннымъ, на народный взглядъ, развлеченіямъ; разумѣется, особенно озлобляло прихожанъ, и ревнители, поневолѣ покинувъ свои паствы, въ послѣдніе минуты патріаршества Іосифа собрались въ Москвѣ около своего руководителя Стефана Вонифатьева³⁾. Но вотъ патріаршескую кафедру занялъ (съ 25 іюля 1652 г.) Никонъ. Когда онъ издалъ свою извѣстную память о поклонахъ и сложеніи перстовъ, весь кружокъ ревнителей пришелъ въ

нечно, фигура священника въ этой толпѣ оставалась на себѣ особое вниманіе. Къ тому же, у попа Ивана были и личные мотивы для неудовольствія на прот. Даниила. Игуменъ Спасскаго Запрудскаго монастыря Антоній на допросѣ показалъ: „слышалъ я на торгу отъ людей, что с. Селнщъ боярина Глѣба Ивановича Морозова попъ Иванъ Емельку, прозвище Ляда, зашибъ де клюкою за то, что назвалъ его попа Ивана онъ, Емелька, бражникомъ, и онъ его, Емельку, за то ударилъ“. А такъ какъ этотъ Емелька принадлежалъ къ числу людей, которые „стояли за благочестіе“, то отсюда можно заключить, что попъ Иванъ, вѣроятно, и самъ не разъ подвергался отъ протопопа обличеніямъ за „пьянственное житіе“.

¹⁾ Матеріалы для исторіи раскола, изд. *Н. Субботинимъ*, т. V, стр. 16. — *А. Барсудинъ*. Протопопъ Аввакумъ. СПб. 1900. (Изд. 2). Стр. 12. Относительно Даниила изъ Костромы г. Вороздинъ высказываетъ общую догадку: „по всей вѣроятности, и невзгоды Даниила объясняются его принадлежностью къ кружку Вонифатьева“ (стр. 22).*

²⁾ Матеріалы для ист. раскола т. V. („Житіе“ Аввакума) и т. I (Биографія І. Неронова).

³⁾ Дьяконъ Феодоръ называетъ Даниила Костромскаго въ числѣ друзей царева духовника благаго Стефана (Матер. для ист. раскола, V. 197

движеніе. „Мы съ Данииломъ,—говоритъ Аввакумъ,—пацисавъ изъ книгъ выписки о сложеніи персть и поклонахъ, и подали государю“ ¹⁾. Равнымъ образомъ. Даниилъ участвовалъ и въ составленіи другой челобитной за Неронова ²⁾. Но новый энергичный патріархъ принялъ рядъ строгихъ мѣръ противъ членовъ кружка. „Послѣ того,—разсказываетъ Аввакумъ,—вскорѣ схватилъ Никонъ Даниила, въ монастырѣ за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку ругая отвелъ въ Чудовъ монастырь въ хлѣбню ³⁾, и муча много, сослалъ въ Астрахань. Вѣнецъ терновъ на главу ему тамъ возложили, въ земляной тюрьмѣ и уморили“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ называетъ Даниила

¹⁾ Материалы V. 18—19.

²⁾ *Бородинъ*, Прот. Аввакумъ, стр. 57—58.

³⁾ По сообщенію Аввакума Даниилъ былъ лишень сана ранѣ Муромскаго протоп Логгина, а этотъ послѣдній былъ разстриженъ 1 сентября 1653 г. (Рязанскія Достопамятности собран. Арх. *Іеронимомъ* Рязань 1889 Стр. 71)

⁴⁾ Материалы. V, 18—19; ср. *Бородинъ*, приложен., стр. 81—Въ статьѣ *С. Н. Романовскаго* по исторіи раскола въ Костромской епархіи, между прочимъ, говорится: „Что могла значить для массы народа костромичей кара, постигшая ихъ почтеннаго соборнаго протопопа въ Москвѣ? Вѣдь онъ, казалось имъ, стоялъ за законы отеческіе. Да и могло ли быть дѣйствительнымъ такое наказаніе? Лишенный сана прот. Даниилъ былъ посланъ въ Чудовъ монастырь печь хлѣбы Это униженіе протопопа возвышало его въ глазахъ лицъ, ему сочувствовавшихъ. Мы знаемъ, что около Костромы находились вотчины Чудова монастыря (наприм., Саметь, Костромск. у.) и, слѣдов., у монастырской братіи были постоянныя сношенія съ Костромой. Вліятельный бывший протопопъ могъ не только своими посланіями, но и лично въ трапезной поучать при случаѣ своихъ земляковъ и даже тайно посѣдять своихъ единомышленниковъ въ Костромѣ. Быть можетъ, подобныя обстоятельства и побудили духовное начальство послать Даниила подѣ крѣпкимъ карауломъ въ далекую Астрахань. Достоинно примѣчанія, что расколъ и доселѣ сильнѣе тамъ, гдѣ пользовались почетомъ первые расколоводцы Наприм., окрестности Костромы обильны расколомъ, за исключеніемъ села Велищъ, жители котораго выразили Костромскому протоп. Даниилу свои антипатіи еще въ 1652 году“ (*Костромск. Епарх. Вѣдом.* 1905 г., № 6, стр. 172—173). Что Даниилъ послѣ наказанія, не смирился, а напротивъ, сталъ еще рѣшительнѣе высказывать свои взгляды,—въ этомъ убѣждаетъ примѣръ остальныхъ членовъ кружка Вонифатьева. Но о сношеніяхъ Даниила съ Костромой личныхъ или письменныхъ никакихъ указаній не сохранилось, такъ что зъ

священно-мученикомъ, пострадавшимъ за правовѣрие отъ Никона ¹⁾, а въ „Виноградѣ Россійскомъ“ Данииль именуется „предивнымъ“, на ряду съ Павломъ, еписк. Коломенскимъ и Аввакумомъ ²⁾. Вотъ эти отзывы показываютъ, что Костромской протоп. Данииль былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ кружкѣ первыхъ расколоучителей хотя подробности о его Московской жизни до насъ не дошли ³⁾, равно какъ и нѣтъ возможности опредѣлить степень его участія въ составленіи упомянутыхъ выше челобитныхъ. Въ 1656 году Богоявленскій игуменъ Герасимъ участвовалъ въ судѣ надъ

этой области возможны только догадки. Можно, наприм., отмѣтить еще тотъ фактъ, что близкая къ кружку первыхъ расколоучителей боярыня Феодосія Морозова была женою Глѣба Ивановича Морозова, владѣвшаго вотчинами въ окрестностяхъ Костромы. Несомнѣнно, она хорошо знала и уважала прот. Даниила, такъ что то же могла служить посредницей въ сношеніяхъ его съ Костромой. Но при всѣхъ подобнаго рода предположеніяхъ не нужно забывать, что куржокъ лицъ, сочувствовавшихъ въ Костромѣ Даниилу, какъ мы видѣли изъ данныхъ слѣдствія, былъ очень не великъ, остальная же масса костромичей не могла быстро измѣниться въ своихъ чувствахъ къ суровому протопопу. Все это заставляетъ воздержаться отъ переѣмки того значенія, какое могъ имѣть Данииль въ исторіи ранняго появленія и распространенія раскола въ Костромскомъ краѣ. Гораздо болѣе правильно указаніе, что почва для этого была подготовлена проповѣдью старца Капитона. 31 октября 1651 г. Костромскому воеводѣ Юрію Аксакову велѣно было царской грамотой „въ Костромскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Шачѣ взять въ келліяхъ старца Капитона старцевъ и мірскихъ людей робятъ, которые въ тѣхъ келліяхъ живутъ, а быть имъ до нашего указа въ Ипацкомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ подъ началомъ... и въ черной работѣ; а съ монастыря ихъ никуда спускать отнюдь не велѣли, и того велѣли беречь накрѣпко, чтобы не ушли“. (И. Милосидовъ, Сохраненіе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевского монастыря. Вып. I. Кострома. 1887. Стр. 58). Въ ученіи Капитона, какъ оно обрисовано въ посланіяхъ Игнатія Тобольскаго, были всѣ элементы противощерковнаго протеста.

¹⁾ Матеріалы для ист. раскола, V, 216.

²⁾ Виноградъ Россійскій, или описаніе Пострадавшихъ въ Россіи за древлецерковное благочестіе, написанный Симеономъ Діонисіевичемъ (кн. Мышецкимъ). Москва. 1906. Гл. 2, л. 16.

³⁾ Въ „Житіи“ Корнилія Выгопустинскаго сообщается, что на соборѣ по вопросу о перекрещиваніи переходящихъ изъ православія въ расколъ былъ и прот. Данииль (Бороздинъ, стр. 120).

Иваномъ Нероновымъ ¹⁾, причемъ здѣсь несомнѣнно вспоминалось и имя Костромскаго протопопа Даниила, который вмѣстѣ съ Герасимомъ начиналъ въ Костромѣ борьбу съ безчинствами и такъ печально закончилъ свою пастырскую дѣятельность...

С. Введенскій.

¹⁾ Матеріалы для исторіи раскола, т. 1, стр. 182 и 186.—Имя игумена Герасима упоминается еще въ одномъ сыскномъ дѣлѣ о раскольникахъ 31 января 174 (1666) г. въ Костромѣ къ городскимъ воротамъ прибито было „воровское письмо“. Оно извѣщало о появленіи въ Вогоявленскомъ монастырѣ „присланнаго отъ антихриста ученика, который Бога славить лицомъ и узкимъ путемъ, а врагу работаетъ и въ тайнѣ ему празднуетъ по его вражьиимъ книгамъ у себѣ подъ клѣткою въ ямѣ“... Повидимому, это былъ извѣтъ на игумена Герасима. можетъ быть, въ тайной принадлежности къ расколу и къ старымъ книгамъ. Сочинитель извѣта не обнаруженъ. (Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Кн. XV. М. 1908. Стр. 512).—Есть подпись игум. Герасима по дѣяніемъ Московскаго собора 14 авг. 1660 г., объ избраніи новаго патріарха, вмѣсто Никона (Дѣло о патр. Никонѣ. СПБ. 1897. Стр. 110.)